

**Б. Н.
АЛМАЗОВ**

Борис Николаевич Алмазов

Избранные стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2778585

Аннотация

«Я сначала терпеть не мог кофей,
И когда человек мой Прокофий
По утрам с ним являлся к жене,
То всегда тошно делалось мне...»

Содержание

Биографическая справка	4
Кофей	7
Недовольный	10
Турист	11
Неизбежный	13
Женихи	15
Похороны «Русской речи», скончавшейся после непродолжительной, но тяжелой болезни	19
Успокоение	26
Художник	29
Григорьев	30
Чичерин	31
Корш	32

Борис Николаевич Алмазов

Избранные стихотворения

Биографическая справка

Борис Николаевич Алмазов родился 27 октября 1827 года в Вязьме в семье отставного штабс-капитана, участника Отечественной войны. Детство он провел в имении отца в Сычевском уезде Смоленской губернии. В 1839 году Алмазова отдали в 1-ю московскую гимназию; из четвертого класса он перешел в частный пансион Эннеса, а в 1848 году поступил на юридический факультет Московского университета. Алмазов увлекался университетскими лекциями, особенно лекциями Т. Н. Грановского, однако окончить университет ему не удалось; материальные дела отца пришли в упадок, и Алмазов был уволен со второго курса за невзнос платы за обучение.

На почве общих литературных и театральных интересов он сблизился с А. Н. Островским, А. Ф. Писемским, А. А. Григорьевым, Е. Н. Эдельсоном, Л. А. Меем, П. М. Садовским и другими и вошел вместе с ними в так называемую «молодую редакцию» издававшегося М. П. Погодиным журнала «Москвитянин». Любовь к русской истории, русской песне и вместе с тем к патриархальным устоям русской

жизни, в том числе религиозно-нравственным, неприязнь ко всему, что было направлено к коренным ее изменениям, – вот что характеризовало «молодую редакцию» и сближало ее со славянофилами. Для Островского это был лишь кратковременный этап его развития; Алмазов остался верен этим устоям на всем протяжении своей литературной деятельности. Под псевдонимом «Эраст Благонравов» Алмазов печатал в «Москвитянине» остроумные фельетоны и журнальные обзоры, полемизируя главным образом с «Современником» Некрасова и вообще с «западниками».

В 1854 году Алмазов поступил на службу в канцелярию попечителя московского учебного округа, через три года перешел в контору московской синодальной типографии, но заработка не хватало даже на скромную жизнь, и в 1861 году Алмазов вышел в отставку. Отныне основным источником существования стал литературный гонорар, и нужда еще более увеличилась и уже не покидала его дома.

После прекращения «Москвитянина» в 1856 году Алмазов принимал участие в разных изданиях. Особенно интересны две его статьи, появившиеся в изданном Погодиным альманахе «Утро», – «О поэзии Пушкина» и «Взгляд на русскую литературу 1858 года». В них содержится немало тонких наблюдений, но в основном они направлены против критики демократического лагеря, в защиту идей «искусства для искусства». Истинный поэт, утверждал Алмазов, «говорит только о том, о чем призван говорить: о боге, красо-

те, сердце человеческом, – о том, что неизменно, вечно, что нужно для всех веков и народов». И как бы ни были важны стремления к общественным преобразованиям и споры по поводу них, «какие бы прекрасные надежды ни звучали в этом шуме и спорах, от них бежит поэзия, не терпящая никаких хлопот и требований».

Много стихотворений и переводов Алмазов напечатал в «Развлечении», «Русском вестнике», «Заре», «Газете А. Гатцука». В 1861–1862 годах две его вещи (одна из них – «Похороны «Русской речи»...» – включена в настоящий сборник) появились в «Искре». В 1863 году вышел сборник его юмористических стихотворений; в 1874 году более обширное издание стихотворений.

Политические стихотворения Алмазова, а также его произведения на исторические и историко-религиозные темы проникнуты по преимуществу славянофильскими и националистическими идеями. Гораздо большей популярностью пользовалась его юмористика, но и в ней чем дальше, тем все большее место занимает прямолинейная и грубая антиингилистическая тенденция.

Немало сделал Алмазов как переводчик. Он перевел «Песню о Роланде», старинные испанские романсеро, целый ряд произведений Шиллера, Гете, Шенье.

Алмазов умер 3 апреля 1876 года.

Кофей

Я сначала терпеть не мог кофей,
И когда человек мой Прокофий
По утрам с ним являлся к жене,
То всегда тошно делалось мне.

Больше чувствовал склонность я к чаю.
Но записочку раз получаю:
«Завтра утром приди, милый мой, —
Вместе кофей пить будем с тобой».

В миг всю ложность и все затрудненья
Я постиг моего положенья.
Но закон для меня *billet doux*¹ —
На свидание к милой иду.

Я дорогой дрожу весь заране.
Прихожу. Что ж? Она на диване
Перед столиком чайным сидит —
На спирту сама кофей варит.

Я не ждал такой дивной картины!
Опустили мы мигом гардины,
Чтоб чей злой и насмешливый глаз

---

¹ Любовная записка (*франц.*).

Не заметил бы с улицы нас...

Опишу ли весь пыл упоенья?!
Всё, что может себе в улажденье,
Когда время свободное есть,
На просторе любовь изобрести, —

Всё тогда с нею мы испытали.
О, с каким наслаждением глотали
Жирный кофе́й мы после того:
Чашек десять я выпил его.

Она выпила тоже немало
И, прощаясь, мне нежно сказала:
«Друг мой милый, до этого дня
Не любила ведь кофею я.

Я его с отвращеньем варила,
Но себя той надеждою лестила,
Что охотник до кофею ты, —
И сбылось предвещанье мечты.

Но чего и в мечтах мне не снилось,
То со мною внезапно случилось:
Прежде кофе́й я в рот не брала,
А теперь с наслажденьем пила!»

«Он мне тоже всегда был противен
(Я сказал ей в ответ), о, как дивен

Волканический пламень страстей:
Он привычки меняет людей».

С той поры полюбил я и кофей.
Весьма часто, когда мой Прокофий
По утрам с ним приходит к жене,
Я кричу: «Дай, брат, чашку и мне».

1851

Недовольный

Дар прекрасный, дар широкий —
Крепостные мне даны!
Но почто по воле рока
Быть отпущены должны?

Кто? зачем? к какому черту
Мне дворянство даровал?
Тело приучил к комфорту,
Ум гордыней обуял?

Цели нет передо мною;
Праздны думы, пуст карман,
И томит меня тоскою
Сложный выкупа туман.

1859

Турист

Соблазнясь пасп_о_ртов крайней дешевизной,
Все спешат расстаться с дорогой отчизной,
Все спешат оставить родины пределы:
Кто для исцеленья боли застарелой,
«Кто для осмотра фабрик и заводов,
Кто для истребленья годовых доходов,
Юноша – для пользы и ученых целей,
Франт – для созерцанья милых дам-камелий,
Купчик – поучиться жизни и комфорту
И, привычки предков все отправив к черту,
Получив манеры, заведясь туалетом,
В край родной вернуться ком-иль-фо отпетым.
Словом, все уж нынче прут в края чужие —
Все: купцы, сидельцы, даже цеховые.
При таком движеньи черни самой низкой
Я ль останусь дома, дворянин российский??
Соберу ж скорее с вотчины доходы,
Притворюсь, что болен, что хочу пить воды,
Поручу именье ближнему соседу,
Дам обед прощальный и в Париж уеду.
Изучу там нравы в модном водевиле,
Натолкаюсь вдоволь в скромном *баль-мабиле*,
Наглазеюсь вдоволь в опере, на бале,
Тысячи посею я в Роше д'Канкале

И на бирже счастье разик попытаю,
Пред лореткой милой в нежностях растаю,
На ее капризы сильно промотавшись,
Всюду натаскавшись, весь поистаскавшись,
Износившись телом, утомлен душою,
Свидеться решуся с родиной святою.
Но весь куш, что спрятан мной на путь возвратный.
Сбуду на дороге я в игре азартной
Немцам – и пешечком поплетусь к Карлсбаду:
Там, изнеможенный, прямо в ванну сяду
И, усевшись в ванну, в сильном нетерпении
Буду ждать доходов с моего имения.

1859

Неизбежный

Toujours lui! lui partout!
*Victor Hugo*²

Что б ни послали боги нам —
Счастливый случай иль печальный, —
Во всем, друзья, как соль ко щам,
Необходим для нас кварталный.

Повестку ль с почты принесут
На малый куш иль капитальный, —
Нам денег с почты не дадут,
Коль не подпишется кварталный.

Хотим ли видеть божий свет
И в путь собираемся мы дальный, —
Кто даст на выезд нам билет?
Всё он опять, опять кварталный!

И в скорбный час, когда зажгут
Над нами факел погребальный,
Как нас в заставу провезут, —
Кто нам поверит, коль и тут
Не даст свидетельства кварталный?

---

² Всегда он! везде он! – Виктор Гюго (*франц.*).

Женихи

*Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят,
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.*

А. Пушкин

Пред купчихой благосклонной
Двое фатов предстоят,
Оба в брак вступить законный
Страстью пламенной горят.

Оба Шармером одеты
С благородной простотой,
Оба прежде – в оны леты —
Всех дивили красотой.

Оба крепкого сложенья,
Оба в неге возросли,
Но здоровье и именьё
В бурной жизни растрясли.

Оба люди молодые,
Но уж в долг давно живут;

Оба род свой от Батыя
С достоверностью ведут.

Оба спеси благородной
В сердце огонь святой хранят;
Оба смертью голодной
Жизнь окончить не хотят.

Брак с купчихой запятнает
Их могучий древний род;
Но геральдики не знает
Голодающий живот.

Много шуму, много срама
И бесславия их ждет;
Но не славится и яма,
Что у Иверских ворот.

С этой мыслью неприятной,
Потупляя нежно взгляд,
Пред купчихой необъятной
Оба фата предстоят.

А купчиха с папироской
Восседает. Дивный вид:
Ну точь-в-точь колосс Родосский
Или просто рыба кит!

Но на кончике дивана

С дивной ловкостью сидит;
От нее оделавана
Запах на версту разлит.

Много крупных бриллиантов
На серьгах ее горят
И сердца голодных франтов
Смертью раннею разят.

«Кто, скажи, любим тобою? —
Деве франты говорят. —
Кто из нас избран судьбою?
Чей удел кинжал и яд?»

Дева щурится лукаво
И, жеманясь, говорит:
«Я сама не знаю, право, —
Мне как тятенька велит».

Бич семьи патриархальной,
Сух и хладен как гранит,
Допотопно-колоссальный
Тут же «тятенька» сидит.

Чай из блюдечка спокойно
Он себе вприкуску пьет,
И довольно непристойно
Пот с чела его течет.

То вздохнет, то брови сдвинет.
Точно чем-то нездоров,
Точно вовсе он не видит
Двух приезжих молодцов.

Лишь порой украдкой взглянет
Подозрительно на них
И свой чай опять потянет:
«Нам-де надо не таких».

9 марта 1861

Похороны «Русской речи», скончавшейся после непродолжительной, но тяжелой болезни

*Всё великое земное
Разлетается как дым;
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим.*

Жуковский

Пал журнал новорожденный —
Орган женского ума,
И над плачущей вселенной
Воцарилась снова тьма.
Важен, толст, как частный пристав,
Жертва злобной клеветы,
Пал великий Феокистов
С двухаршинной высоты.

И с предвиденьем во взгляде
Жертву сам Катков заклал.
«Слава Зевсу и Палладе, —

Он Леонтьеву сказал, —
Слава мышцам Аполлона,
Ратоборца светлых сил;
Он шипящего Пифона
Прямо в темя угодил».

«Зритель», «День» и «Развлеченье»

И журналов целый полк —
Все сошлись на погребенье,
Чтоб отдать последний долг
Брату, падшему со славой,
Как отчизны верный сын, —
И вломились всей оравой
К Базунову в магазин.
Там, взвалив себе на плечи,
Как священный некий клад,
Хлам останков «Русской речи»,
Их несли в Лоскутный ряд.
У Петровского бульвара
Их догнав, библиофил
«Русской речи» экземпляра
Как диковинки просил.

С воплем шла толпа густая
Горько плачущих Корш_е_й,
Слезы падали, блистая,
Из бесчисленных очей.
И, смирив свой пыл воинский,
Польско-русский Маколей,

Шел задумчив пан Вызинский —
Хитроумный Одиссей.

Провожая прах любезный,
Шла редакция-вдова
И причитывала слезно
Прежестокые слова:
«Ах, когда б на деле знала
Я журнальные труды,
Я б журнал не затевала —
Вот безумия плоды!
Но могла ль я Олимпийца
Снести восточный произвол?
Он – редактор-кровопийца,
Не щадит и слабый пол:
Он терзал мои создання
И под каждую статью
Делал дерзко примечанья
Святотатственной рукой.
Нет, крутым его законам
Ни за что не подчинюсь:
С ним, как Сталь с Наполеоном,
Хоть умру, а не сойдусь!»

Кетчер, жизнью убеленный,
Нацедил вина бокал
И вдовице сокрушенной
Подкрепиться предлагал:
«Пей и знай: вином заморским

Накатиться нет греха,
Вот другое дело горским
Или водкой, ха, ха, ха!
Ха, ха, ха! Вино – лекарство...
Ха, ха, ха! Ну, пей скорей,
Ха, ха, ха! Ну, к шуту барство,
Пей да только не пролей!
Вспомни мать Ниобею,
Что изведала она,
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена,
Но и в век тот безотрадный
Солдатенков тоже жил, —
Он ей влаги виноградной
Целый ящик подарил.
Ты, чай, знаешь: Ниобея
Схоронила всех детей, —
Ну так пей же, не робея,
В память внучки «Атенея»,
«Речи», дочери твоей!»

Но редакция подняла
Гордо голову свою
И с презреньем отвечала:
«Отвяжитесь, я не пью!»
И рукой своей сурово
Оттолкнула прочь бокал, —
Влага брызнула, и снова
Кетчер вдруг захохотал.

И на хохот Пров Садовский,
Запыхавшись, прибежал:
Жбан эпохи допетровской
Он в руках своих держал;
Силой гения чудесной
Чрез толпу Коршей пролез
И куда-то (неизвестно!)
Быстро с Кетчером исчез.

«Смерть велит умолкнуть злобе, —
Жрец Аскоченский сказал, —
Мир покойнице во гробе:
Прневинный был журнал!»

Миша-книжник книжной ражи
Удержать в себе не мог,
И на улице сейчас же
Настрочил он некролог:
«Мол, жила-была газетка,
Так себе, не без грешков
(Сей журнал ужасно редкий
Здесь читал один Сушков),
Нрав имела тихий, кроткий:
Не бросалась на своих;
А скончалась от сухотки,
К сожалению родных».

«Господа! Ей-богу, тошен

Жребий родины моей, —
Загремел Сергей Колошин,
Каталина наших дней, —
У богов на умном вече,
Видно, правда не живет,
Нет громовой «Русской речи»,
«Наше время» всё не мрет».

«Да, наш век ужасно скверен,
Нет людей – всё я один, —
Возгласил Борис Чичерин,
Публицист и дворянин. —
Все желают вертикально
Мой народ разгородить,
Я хочу горизонтально —
Кто мне может запретить?»
Взор вперяя исступленный
В сероватый небосклон,
Вдруг Медузой вдохновенный
Рек Григорьев Аполлон:
«Демоническим началам
Честно, верно я служу —
И с сочувствием немалым
За паденьями слежу:
Легионы журналистов,
Точно мухи, так и мрут;
Нынче умер Феокистов,
Завтра Павлову капут».

Начало 1862

Успокоение

Пора моей весны, пора очарований,
Пора беспечных снов, надежд и ожиданий,
Как неожиданно, как рано скрылась ты!
Где сны волшебные? где страсти и мечты,
Тревожный сердца жар, надежд лукавый шепот,
Восторгов бред больной, сомненья праздный ропот?
Всё стихло, замерло среди мирских невзгод,
Под гнетом тягостным лишений и забот!

Да, с утра дней моих, среди семьи родимой,
Уже теснил меня мой рок неумолимый,
Но я, назло ему, среди бурь и непогод
Юдолю жизни сей упрямо шел вперед:
Какой-то бешеной отвагой одержимый,
Бросался к цели я всегда недостижимой
Путем, где более виднелось мне преград,
И схватке с недругом, как пиршеству, был рад.
И жизнь отмстила мне безжалостно, жестоко:
Изломанный в борьбе, униженный глубоко,
Средь битвы жизненной я пал на полпути
И дальше никуда не в силах был идти.

Но я благодарю всечасно провиденье
За все несчастья, страданья, униженья,

Ниспосланные мне: они смирили пыл
Самонадеянных, мятежных, дерзких сил,
Тревожный жар страстей мне в сердце потушили
И самолюбие, и гордость сокрушили, —
И силы я свои измерил и узнал,
И к целям дерзостным стремиться перестал.
С тех пор, отвергнув грез безумных заблужденья,
Я дух свой укреплял в смиренности и терпенья, —
И научился я: день за день мирно жить
И тихой радостью и дружбой дорожить;
За каждый светлый миг, за каждый взгляд радушный,
За искренний привет, за кров и хлеб насущный
Благодарить творца, – и в мраке я прозрел,
И слов евангельских я смысл уразумел,
И, усыпив страстей недуг неисцелимый,
Мне душу осенил покой невозмутимый.

Опора давняя, но крепкая моя —
Мои немногие, но верные друзья,
О светлом будущем напрасно вы твердите —
Успехи, счастье, довольство мне сулите!
Не нужно счастья мне: страшит меня оно.
С моею участью сроднился я давно.
Кто знает? может быть, в моей смиренной доле
Я воли не даю страстям лишь поневоле.
Да, счастье, как льстец перед лицом властей,
Опасно для души заносчивой моей;
Увы, быть может, в ней с возвратом дней счастливых
Проснется скопище надежд самолюбивых,

И страсти прежние, воспрянув, закипят,
И гордость разольет по сердцу острый яд,
И юность вспыхнет вновь, – и счастья голос мнимый
Смутит покой души, покой невозмутимый.

23 марта 1862

Художник

Нет, верь мне, не любовь, не страстные мечты
Красою строгою во мне рождаешь ты!
Нет, не горят во мне нечистые желанья,
Когда я, погружен в святое созерцанье,
В благоговении стою перед тобой,
Весь поражен тобой, растерянный, немой.
Как истый скиф, к красе высокой непривычный,
Гляжу я с трепетом на образ твой античный,
И мне не верится в мечтах моих, что он
Слепой природою случайно порожден:
Ты всё мне чудишься божественной Дианой,
Рукою Фидия разумно изваянной.

7 мал 1862

Григорьев

(Из антологий)

Мрачен лик, взор дико блещет,
Ум от чтенья извращен,
Речь парадоксами хлещет....
Се Григорьев Аполлон!

Кто ж его в свое издание
Без контроля допустил?
Ты, невинное создание, —
Достоевский Михаил.

Чичерин

(Из А. Шенье)

Нет, в искренность его я вечно буду верить!
Чичерин-публицист не может лицемерить.
Всё непритворно в нем: теорий темных бред;
Абстрактность – Гегеля неизгладимый след;
Задор; периодов немецкая протяжность
И фраз напыщенных ребяческая важность.

Корш

В Москве в книжной лавке Краевский стоял
И тронную речь он держал.

И Кетчер, и Щепкин, и Корши толпой
Внимали той речи с тоской.

Твердил он: «Какая, друзья, благодать
Казенный журнал издавать!»

Твердил про доход с объявлений больших —
С казенных, а также с простых.

Итог тех доходов запал той порой
У Корша в душе молодой, —

И цифрой итога томилась она,
Желаньем законным полна:

Доход собирать с объявлений больших —
Казенных, а также простых.

1863